

КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ *

ВАЛЕРИЙ ЧЕКМОНАС

Вильнюсский университет

О понятии социолингвистического ареала

С лингвогеографической точки зрения старообрядческие говоры Литвы являются *островными* в макромасштабном и микромасштабном отношениях.

Первое означает, что отдельные *деревни*, в которых проживают только старообрядцы, всегда соседствуют с населенными пунктами, в которых проживает иноязычное (литовско-, польско- или белорусскоязычное — в зависимости от региона) население, причем в абсолютном большинстве случаев старообрядческие поселения представляют собой вкрапления в ойконимический ландшафт с преобладающими иноязычными населенными пунктами. *Островным* было также и скопление небольших старообрядческих населенных пунктов вокруг большой в прошлом д. Паскутишки (Ужусольской волости Йонавского района).

Островными в микромасштабном отношении мы называем небольшие скопления старообрядцев, проживавших или проживающих в смешанных населенных пунктах — бок обок с иноязычным населением этих же деревень.

В беседах с одноязычными (знающими только свой говор) информаторами-старообрядцами старшего возраста выяснилось, что все они, разумеется, вполне отдадут себе отчет в том, что они живут в иноязычном окружении. Нас особенно интересовал вопрос о том, на каком языке (или языках) они общались с иноязычными соседями.

* В основу *Кратких заметок* положены доклады, прочитанные на VIII традиционной международной блиц-конференции, состоявшейся 28 сентября 2000 г. на кафедре Славянской филологии Вильнюсского университета.

В условиях белорусскоязычного окружения (в Браславском и Поставском районах Беларуси) ответ можно было легко предвидеть: и старообрядцы, и белорусскоязычные поляки — их соседи, говорят между собой каждый на своем языке, с полным основанием считая, что они полностью понимают друг друга. Наблюдательные старообрядцы помоложе (обычно учившиеся в школе в послевоенное время) отмечают иногда, *что у них* (белорусскоязычных поляков) *есть наши слова, а у нас ихные*. Заметный слой общей лексики в этих старообрядческих и белорусских говорах составляют полонизмы (до Первой мировой войны источником их была речь местных дворян и шляхты, в межвоенное время большинство жителей ареала посещали польские школы, некоторые старообрядцы старшего возраста пишут и читают в основном по-польски, а по-русски учились читать сами).

В центре Литвы (в современных Йонавском и Кедайнском районах) одноязычные старообрядцы старшего возраста обычно также договаривались с польскоязычными соседями каждый на своем языке, причем они подчеркивали, что поляки, с которыми им приходилось общаться или с которыми общались их родители, с русским старались говорить по-русски. Аналогичное утверждали и информаторы, проживавшие в окружении литовцев в Рокишкском и Зарасайском районах — причем иногда это были жители смешанных русско-литовских деревень.

Анализ записанных материалов показывает, что вообще старообрядцы, проживавшие в основных зонах на территории Литвы и смежных районах Латвии и Беларуси (Йонавской, Рокишкской, Зарасайской, Игналинской и Швенченской) в прошлом, до Первой мировой войны, будучи в абсолютном большинстве случаев одноязычными, *не ощущали себя* живущими в иноязычном окружении. Иными словами, их говоры были островными для *внешнего* наблюдателя, а с точки зрения самих носителей старообрядческих говоров указанные зоны их проживания образовывали как бы непрерывные и довольно значительные по площади ареалы. Очевидно, эти ареалы непрерывными были только в социолингвистическом отношении, причем только для самих носителей старообрядческих говоров, что дает основание говорить о том, что представление о них формировалось (существовало) как результат взгляда на социолингвистическую ситуацию в обществе *изнутри*.

Кажется очевидным, что такое понимание социолингвистической ситуации было возможным потому, что многие поколения старообрядцев до Первой мировой войны могли жить в иноязычном окружении, обходясь только своим говором и оставаясь монолингвами.

Как кажется, этому способствовали следующие причины и обстоятельства:

1. несомненное стремление старообрядцев сохранять свои сообщества закрытыми в конфессиональном отношении (ограничение повседневных контактов с иноверцами, запрет конфессионально смешанных браков и под.);

2. наличие демографических условий для языковой замкнутости вследствие того, что в каждой из перечисленных зон существовали по нескольку больших старообрядческих деревень (с населением 200–300 чел.), нередко окруженных небольшими старообрядческими поселениями, а после отмены крепостного права — многочисленных хуторов-хозяйств;

3. в пределах зон поддерживались тесные и многообразные связи между старообрядческими населенными пунктами;

4. наконец, в основных экономических центрах соответствующих зон (в местечках *Яново, Ракішки, Свенцяны, Відзы*), куда старообрядцы съезжались на кирмаши-ярмарки по много раз в году, во-первых, по крайней мере с начала XIX в. проживали значительные по количеству группы старообрядцев; во-вторых, русский язык был одним из важнейших (наряду с польским) языком торговли;

5. наконец, на всем протяжении XIX в. русский язык был государственным на рассматриваемых территориях, с середины 80-х годов XIX в. здесь везде работали так наз. народные школы (от посещения которых старообрядцы обычно уклонялись, поскольку в них преподавался закон божий по православным никоновским канонам), и уже в силу этих обстоятельств русские говоры старообрядцев имели определенный социальный престиж в глазах иноязычного населения.

Важнейшими следствиями существования социолингвистически непрерывных русскоязычных ареалов было то, что

- русское старообрядческое население Литвы в основном оставалось моноязычным;

- в старообрядческие говоры проникло относительно небольшое количество иноязычных заимствований (в основном из местных польских говоров) и, в общем,

- до начала 30-х годов XX в. (когда дети старообрядцев начали посещать литовские и польские школы) традиционные старообрядческие говоры практически не подвергались иноязычному влиянию.